

2016-05-08 ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Весной 1942 года папу, Пьяных Ивана Владимировича, и его брата Алексея призвали в Красную Армию. Нам эвакуироваться из Воронежа не удалось – взорвали мост, да и дедушка Володя болел. Запомнились какие-то страшные завывания, после которых были взрывы – и так постоянно. Однажды вдруг наступила непривычная тишина. Потом с улицы послышался какой-то треск. Оказалось, немцы въехали в город на мотоциклах. Расположились в военных казармах рядом с нашим домом.

Как и все жители, мы сидели в подвале. Было страшно. Особенно мы прятали мою двоюродную сестру Марусю – она была комсомолкой. Тётя Маня с соседками ходила на речку за водой – под перекрёстным огнём. Кругом лежали убитые, даже в реке. Тётю ранило осколком.

Во время затишья мы выходили во двор. Однажды мама увидела немца, который сидел на корточках, играл на губной гармошке и смотрел на меня. Мама испугалась, схватила меня. Но немец сказал: «Найн, найн, matka», – и вынул из кармана фотокарточку такой же белобрысой девчонки – своей дочери.

Было очень страшно, когда другой немец увидел Марусю, схватил её и потащил с собой. Мама бросилась к нему и, плача, умоляла его отпустить её. И он отпустил.

Однажды всех выгнали из подвалов и согнали в собор Петра и Павла напротив нашего дома. Храм был обнесён колючей проволокой и ходили немцы с плётками и собаками. Детей, старых и больных загнали в собор, остальных куда-то угнали. Несколько дней мы ничего не знали о своих родных. Потом они вернулись – их гоняли на рытьё окопов.

Через какое-то время всех погнали на проспект Революции. Вероятно, предупредили заранее, ибо все шли с вещами. Я, например, несла портфель, который мне уже купили к школе, в нём лежали яркий гуттаперчевый попугай и пупс.

Проспект Революции – сплошные развалины. Нас пригнали на Курский вокзал. Набили нами товарные вагоны и повезли. Слух прошёл – в Германию. На станции Кузиха выгрузили, и несколько дней мы были под открытым небом. Охраняли немцы и полицаи с собаками и плётками. Там был один колодец, людей много – вода кончилась...

Снова товарные вагоны. Снова неизвестность. На станции Касторная поезд слегка замедлил ход, и мы выпрыгнули на ходу. Страшно было до жути. Нас схватили полицаи, привели в комендатуру. Дедушка через старосту объяснил, что мы местные, и нас отпустили.

До родного села Богатырёво около 60 км шли пешком. На полях кое-где находили листья и кочерыжки капусты. В селе жили у разных родственников. Питались лебедой. От голода у меня ноги покрылись измётками (так там чирьи называли) – отметины до сих пор остались.

Село переходило из рук в руки: немцы, мадьяры. Когда пришли наши, всем жителям выдали американские подарки – высокие металлические банки, в которых слоями лежали разные вкусности. Мама устроилась санитаркой в госпиталь, там давали продукты. Как только узнали, что освободили Воронеж, тётя Маня сразу пошла туда. Дом – цел, но квартира разграблена. Что осталось, тётя отнесла в сарай к Вайцеховским (она с женой командира Воронежского добровольческого коммунистического полка М.Е. Вайцеховского работала вместе). Принесла из Воронежа буханочку чёрного хлеба. Какое это было лакомство!

В августе 1945 г. вернулся папа (дядя погиб в Смоленской области). Приехали в Воронеж – квартира занята другими. В военкомате папе посоветовали написать письмо Сталину. Папа написал, и вскоре нам дали квартиру.

Нина Ивановна Пьяных